

20 Марта.

№ 9.

1908 года.

Государственная  
БИБЛИОТЕКА  
СССР  
им. В. И. Ленина

ПОЛТАВСКІЯ

# Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

„Аскетизмъ со всей его суровостію отжилъ свое время,—слѣдуетъ облегчать людямъ жизнь, а не отягощать ихъ строгими заповѣдами“.

Иже кто хощетъ по Аиѣ ити, да  
ѡбѣржетсѧ себѣ и крѣстъ скѡй  
и по Аиѣ грядѣтъ [Мат. 51, 14].

Представленное въ заглавіи соображеніе обычно примѣняется къ церковнымъ уставамъ о постахъ и подвигахъ говѣнія, примѣняется ко всякимъ видамъ подвижничества. „Это, говорятъ, такъ давно было“... „Это, говорятъ, необходимо было раньше, когда вѣра была единственною сдерживающею животныя истинкы культурною силою; а нынѣ, когда ее замѣнила наука, это излишне“ Такъ говорятъ, такъ и живутъ. Такимъ лицамъ особенно по сердцу пришли недавніе толки печати о желательности—замѣнить древнемонастырскій молитвенный укладъ жизни исключительно благотворительной и просвѣтительной дѣятельностію иноковъ. Такъ мыслятъ они, несомнѣнно, вслѣдствіе исключительно внѣшняго правового пониманія христіанства. Подъ аскетизмомъ они разумѣютъ не *внутреннее самовоспитаніе* и обязательную работу надъ собою христіанскаго духа,—что и есть аскетизмъ,—при каковой работѣ всяческое ограниченіе тѣла есть только средство вспомогательное, хотя и рѣшительно необходимое; но разумѣютъ исключи-

тельно ви́шнія упражненія подвижниковъ, какъ дѣланіе самодовлѣющее. Самую заботу подвижника о своемъ спасеніи иные готовы считать проявленіемъ духовнаго эгоизма, называя его „эгоизмомъ самоспасенія“. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Въ теченіи вѣковъ человѣчество собственнымъ горькимъ опытомъ дошло до убѣжденія, что одними земными интересами наша душа удовлетвориться не можетъ, что оставаться безъ высшаго духовнаго удовлетворенія для нея — не жизнь, а смерть. Для вѣрующаго христіанина ясно, что человѣческая жизнь имѣетъ цѣнность и значеніе только при наличности у него божественной благодати, при условіи спасенія, когда добро въ человѣкѣ и вокругъ человѣка восторжествуетъ надъ зломъ, когда Богъ любви покоритъ всяческая во всѣхъ. Вѣрующій христіанинъ своимъ духовнымъ существомъ чувствуетъ, что въ благодатномъ процессѣ спасенія есть его жизнь духовная, что при отсутствіи спасенія есть для него духовная смерть. Если же спасеніе человѣка есть дѣйствительная его духовная жизнь, а утрата спасенія есть духовная смерть, то очевидно, что свободное стремленіе человѣка къ спасенію своей души является въ такой же степени эгоистичнымъ или себя любимымъ, какъ и его стремленіе дышать воздухомъ, какъ и порывъ къ движенію его живыхъ мускуловъ. Въ дѣйствительности молитва и все дѣло созиданія спасенія въ человѣкѣ есть такое же непремѣнное и необходимое проявленіе жизни его духа, какъ дыханіе и движеніе есть неотмѣнное проявленіе жизни тѣла. Это есть прямое проявленіе въ немъ жизни по духовной его природѣ. Вотъ что собою составляетъ стремленіе ищущей въ Богѣ спасенія человѣческой души. Можно ли признавать послѣ сего созиданіе человѣкомъ своего спасенія — дѣломъ эгоизма или себялюбія? Далѣе. Забота человѣка о собственномъ спасеніи не только не отрицаетъ, но непремѣнно предполагаетъ благо ближнихъ. Возьмемъ такой примѣръ. Вотъ общество людей хронически больныхъ: всѣ больны, но одни недугуютъ больше, а другіе меньше. Другъ за другомъ они ухаживаютъ плохо. Нѣкоторые изъ нихъ берутся врачевать своихъ близкихъ и дальнихъ безъ нарочитыхъ медицинскихъ познаній, но этимъ часто, вслѣдствіе своего невѣжества и безсилія, больше повреждаютъ имъ, чѣмъ помогаютъ. И вотъ при

такихъ обстоятельствахъ пѣкоторые изъ среды этихъ людей, въ качествѣ добровольцевъ, удаляются отъ близкаго имъ общества больныхъ людей, переходятъ въ особую и нарочито приспособленную обстановку и тамъ, при великихъ трудностяхъ, принимаются за специальное изученіе врачебнаго искусства и съ тѣмъ вмѣстѣ и нераздѣльно достигаютъ полнаго возстановленія собственнаго здоровья. При этомъ въ мѣру собственнаго вхожденія въ силу такіе добровольцы оказываютъ помощь немощнымъ и больнымъ своимъ ближнимъ и дальнимъ людямъ. Неужели худо дѣлаютъ эти добровольцы? Не въ такомъ ли отношеніи находятся къ своимъ ближнимъ тѣ подвижники, которые, тѣломъ удаляясь отъ міра, своимъ молитвеннымъ духомъ пребываютъ съ ближними въ мірѣ,—которые, достигнувъ благодатнаго состоянія, въ себѣ являютъ для всѣхъ къ нимъ обращающихся источникъ наставленія, утѣшенія и всякаго духовно-тѣлеснаго врачеванія? Не такъ ли поступилъ препод. Серафимъ и другіе прославленные Господомъ подвижники? Неужели преп. Серафимъ для насъ менѣе дорогъ и полезенъ изъ за того только, что онъ оставилъ людскую среду для удаленія въ свою пустыньку? Не сдѣлался ли онъ много полезнымъ, достохвальнымъ и дорогимъ именно поэтому? Подвижники великіе суть важнѣйшіе и благороднѣйшіе члены Тѣла Церкви Христовой, своею крѣпостію содѣйствующіе оживленію и укрѣпленію слабѣйшихъ членовъ.

„При сознаніи живого союза съ Богомъ, говоритъ преосвященный Теофанъ затворникъ, сознаніе живого союза со всѣми угождающими Богу людьми входитъ въ составъ духа богоугодно настроеннаго чловѣка, какъ неотъемлемая черта Сѣдящій въ тѣсномъ уголку состоитъ въ живомъ сердечномъ союзѣ со всѣми знаемыми богоугодниками, и въ мысли ихъ держитъ болѣе, нежели ипой бывая съ кѣмъ либо лицомъ къ лицу. Въ этомъ общеніи и крѣпость жизни. Кто сознаетъ себя одинокимъ предъ лицомъ Бога, тотъ да не хвалится, что достолично является предъ Богомъ: не хочетъ Богъ и не благоволитъ къ такимъ одиночкамъ. А пустынники? Пустынники весь міръ посятъ въ сердцѣ: они не одиночки въ духѣ“ (Псаломъ 118 ст. 74). По остроумному сравненію св. аввы Дородея, если Господа Бога мы будемъ мыслить какъ центръ бытія, а нашъ грѣшный міръ какъ окружность, то люди будутъ тѣми радіу-

сами, которые тѣмъ ближе становятся другъ ко другу, чѣмъ болѣе приближаются къ центру, и которые тѣмъ далѣе становятся другъ отъ друга, чѣмъ болѣе удаляются отъ центра (Доброт. т. II стр. 617). Вотъ церковное пониманіе нашего попеченія о собственномъ спасеніи. Конечно, не было бы существующихъ крайне неправильныхъ понятій объ этомъ предметѣ въ обществѣ, если бы представители этого общества познавали церковь и ея учрежденія изъ свято-отеческой письменности и вѣрныхъ ей церковныхъ писателей, а не изъ книгъ писателей по духу совершенно чуждыхъ церкви.

Думаютъ, что только грубый и нравственно неразвитый человѣкъ нуждается въ внѣшнихъ воспитательныхъ средствахъ для своего нравственнаго совершенствованія и возвышенія духа. При этомъ ссылаются на переданныя въ Евангеліи слова народной молвы, въ которыхъ Спаситель называется „ядцею и винопійцею“ (Матѳ. XI, 19); приводятъ въ примѣръ претвореніе Имъ воды въ вино на бракѣ въ Канѣ галилейской (Іоан. II, 1—11) и пр. Слушаютъ народную молву, берутъ голые факты, а не слушаютъ разъясненій Самого Спасителя. А между тѣмъ этотъ Ядца и Пійца предъ выступленіемъ на открытое служеніе Своего роду человѣческому сорокъ дней въ пустынѣ постился и ничего не вкушалъ (Лук. IV, 2). Когда ученики Его не смогли исцѣлить бѣсноватаго отрока и спросили Его о причинѣ, то Онъ прямо сказалъ: „сей родъ (т. е. родъ бѣсовъ и всякаго зла) изгоняется *только молитвою и постомъ*“ (Матѳ. XVII, 21). Обязательныя условія духовно-нравственнаго совершенствованія выражены, далѣе, Спасителемъ въ слѣдующихъ изрѣченіяхъ. „Если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною; ибо кто хочетъ душу свою (т. е. внѣшнюю жизнь со всѣми земными интересами) сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее“ (Матѳ. XVI, 24, 25). „Если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи и слѣдуй за Мною“ (Матѳ. XIX, 21). Не въ Египтѣ и Византіи впервые выросъ христіанскій аскетизмъ,—онъ идетъ къ намъ отъ Самого Христа.

Говорятъ еще, что „нужно облегчать людскія страданія, какъ и Христосъ это дѣлалъ“. Мы отвѣтимъ на это, что

намъ одинаково отъ Господа допускаются и посылаются, какъ облегчительныя утѣшенія, такъ и очистительныя страданія. Собственнымъ грѣхомъ челоѳчество повредило свою духовную и тѣлесную природу и тѣмъ вызвало для себя страданія духовныя и тѣлесныя, какъ неизбежное послѣдствіе грѣха. По долгу любви нужно облагчать страданія людей, но облагчать нужно для того, чтобы сдѣлать людей годными для христіанскихъ подвиговъ. Подвигъ же не есть страданіе, а есть напряженіе усилій для торжества богоподобнаго въ челоѳкѣ духа, съ готовностію на всякую жертву. Вообще христіанскіе подвиги суть не страдательное (пассивное), а дѣятельное (активное) проявленіе нашего духа. Подвижникъ ищетъ мира, а не покоя. Когда признають совершенствованіе въ равномерномъ и гармоническомъ развитіи духовныхъ и тѣлесныхъ силъ челоѳка, то забываютъ, что гармонія въ немъ нарушена, что гармоніи нѣтъ. Есть въ челоѳчествѣ всеобщее поврежденіе природы, вслѣдствіе паденія прародителей. Предоставленный самому себѣ челоѳкъ развивается не въ стрѣб гармоніи, а въ складѣ дисгармоніи. Дисгармонія это — свойственныя челоѳку страсти, какъ преобладаніе въ немъ плотскаго начала надъ духовнымъ, какъ преобладаніе низшаго надъ высшимъ. „Вслѣдствіе преслушанія перваго челоѳка, мы приняли въ себя, по слову Макарія Великаго, странное для естества нашего — вредныя страсти, и привычкою, долговременнымъ усвоеніемъ обратили ихъ для себя какъ бы въ природу; почему необычайнымъ даромъ Духа надлежитъ изгонять изъ насъ сіе странное и возстановлять насъ въ первоначальную чистоту“ (Доброт. т. I стр. 198). Страсти обычно опираются на наши естественныя потребности, и въ этомъ сила соблазна. Уступка своимъ страстямъ есть постоянная продажа челоѳкомъ своего первородства за чечевичную похлебку. Въ нынѣшнемъ состояніи челоѳка неотмѣнно являютъ себя въ немъ и высшіе задатки отъ образа Божія и низшіе задатки въ видѣ страстей, т. е. въ немъ всегда на лицо и образъ Божій и страсти, — отсюда въ немъ постоянная двойственность. (См. Рим. VII, 14 — 25). Настоящая и дѣйствительная „гуманность“ или челоѳчность есть такимъ образомъ непрѣмѣнное смѣшеніе лучшаго съ худшимъ въ челоѳкѣ. Нужно исправлять поврежденіе, подавляя худое въ челоѳкѣ. Возрождающая боже-

ственная благодать вмѣстѣ съ личнымъ подвигомъ челоуѣка возстапавлиаетъ утраченную гармонию, и именно въ смыслѣ равноправности тѣла съ духомъ. „Наша брань, какъ говорить апостоль, не противъ крови и плоти“ (Ефес. VI, 12). Тѣло не есть зло, зло—страсти; но тѣло есть удобнѣйшее средство и среда для праявленія страстей. Въ этомъ и нравственное значеніе нашей наготы. По слову Спасителя, „духъ бодръ, плоть же немощна“ (Матѣ. XXVI, 41). „Плоть желаетъ противнаго духу, а духъ противнаго плоти. . Тѣ, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями“ (Галат. V, 17—24). Плоти *безъ страстей*, какъ то было въ раю и какъ то послѣдуетъ въ будущей блаженной жизни, распинать не нужно, —только потому и нужно распинать нашу плоть, что она со страстями и похотями. Творцы нынѣшняго такъ называемаго „освободительнаго“ движенія выставляють своимъ девизомъ слѣдующее положеніе: „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“. Это изрѣченіе въ значительной степени можно бы примѣнить къ обязательной для христіанина борьбѣ съ собственными страстями. Борьба и побѣда челоуѣка не надъ другими людьми, но надъ самимъ собою и надъ собственными страстями во истину возсоздаетъ ему права въ нравственной области.

Нынѣ многіе изъ христіанъ въ себѣ якобы находятъ возможнымъ и стараются въ своей жизни примирить взаимноисключаемыя стремленія плоти и духа, но это тщетно. Вотъ какъ высказывается о семъ св. Іоаннъ Кассіанъ. „Когда воля наша водится самолюбіемъ и земною мудростію, то загадываетъ держать нѣкую, достойную всякаго осужденія, средину между стремленіями плоти и стремленіями духа, располагаясь такъ воздерживаться отъ плотскихъ страстей, чтобы при этомъ нисколько не терпѣть прискорбностей, не избѣжныхъ при исполненіи требованій духа,— безъ казенія плоти желая достигнуть тѣлесной чистоты, безъ труда бдѣній стяжать чистоту сердечную, съ упокоеніемъ плоти обиловать духовными добродѣтелями, безъ ожесточенныхъ злословій получить благодать терпѣнія, являть смиреніе Христово безъ ущерба въ чести мірской, слѣдовать простотѣ благочестія съ высокоуміемъ вѣка сего, служить Христу съ людскою славою и благоволеніемъ, говорить рѣшительную правду, не встрѣчая никакого даже

малого оскорбленія, — вообще достигнуть благъ будущихъ, не теряя настоящихъ. Такая воля не ведетъ къ истинному совершенству, не поставляя въ состояніе противной теплоты, дѣлаетъ такими, каковы тѣ, о коихъ съ укоромъ говоритъ Господь въ Апокалипсисѣ: „знаю твои дѣла: ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но какъ ты *теплъ*, то извергну тебя изъ устъ Моихъ“ (Апок. III, 15—16). Но Божія благодать, пришедши, возбуждаетъ энергію духа и возставляетъ въ немъ высшія стремленія, отрѣшающія отъ всего земного. Подвергаясь вліянію ихъ, воля не можетъ уже оставаться такою равнодушною и теплохладною, но воспріимлетъ ревность о лучшемъ и ему приносить въ жертву все низшее“ (Добротолубіе т. 2, стр. 12—13). Такъ говоритъ св. отецъ, который въ себѣ сочеталъ восточное глубокомысліе и западный практицизмъ. Плоть и духъ не могутъ быть равноправными. Низшее не только должно уступить высшему, но должно всецѣло подчиниться ему. Потому крайне не церковны и суетны восхваляемыя профессоромъ богословомъ тѣ инокини одного изъ сѣверо-западныхъ монастырей, именно Лѣсинскаго, которыя, по ихъ собственнымъ словамъ, церковно-монастырскаго „Типикона терпѣть не могутъ“, которыя такъ понимаютъ подвижничество, что „система поклоновъ и пустого желудка производить умопомраченіе“, и что строгости подвижническія суть „служеніе грязи и тлѣнію“, которыя „понимаютъ жизнь, какъ Божій капиталъ, который долженъ приносить пользу“ на землѣ (см. „Живыя души“ Тарѣева). Хотя эти инокини и утверждаютъ, что „онѣ знаютъ только одну жертву—на благо людей, знаютъ только одно служеніе—служеніе Богу въ ближнихъ“, однако онѣ служатъ *себѣ* въ людяхъ, а не Богу, и являются тишечными представительницами духа міра сего. Истинно слово Премудраго: „есть пути, которые кажутся человѣку прямыми, но конецъ ихъ—путь къ смерти“ (Прит XVI, 25).

Удивительная замѣчается двойственность у людей вѣка сего. Когда церковь въ таинствахъ и обрядахъ предлагаетъ вѣрующимъ освященіе не только духа и души, но и вещественнаго нашего состава тѣла, а также всей внѣшней нашей жизни, — то они требуютъ чисто духовнаго пониманія вѣры, всецѣло стоя на сторонѣ духа. Они возмущаются обрядами, матеріализаціей или овеществленіемъ религіи, и

тѣмъ ни во что они ставятъ матеріальную нашу часть предъ духовной частию. Когда же Церковь, указуя на загробный идеалъ для осуществленія высшихъ запросовъ духа и совѣсти, предлагаетъ къ исполненію аскетическія требованія со всякимъ утѣсненіемъ „супружницы нашей плоти“, какія усердныя рѣчи раздаются тогда въ пользу тѣла, въ пользу земли и всей матеріальной культуры,—какъ они готовы поступиться высшими требованіями духа, ради удовлетворенія земныхъ потребностей, именуемыхъ реальными... Вопіють они противъ поста, противъ продолжительныхъ церковныхъ службъ, противъ церковнаго пониманія брака. Кажется въ обоихъ случаяхъ отстаивается одинъ и тотъ же земной страстный человѣкъ съ его грѣховными потребностями. „Законъ духовенъ, а я плотянь, проданъ грѣху“ (Рим. VII, 14), какъ говоритъ апостоль.

(Окончаніе слѣдуетъ).

## Къ вопросу о порнографіи и о мѣрахъ борьбы съ нею <sup>1)</sup>.

Однимъ изъ глубоко-печальныхъ явленій современной общественности, характеризующихъ настроеніе и озвѣщающихъ эволюцію общественной нравственности, является открытая реклама и широкое распространеніе среди русскаго общества произведеній такъ называемаго „порнографическаго“ характера.

„Порнографіей“ называется всякаго рода произведеніе человѣческаго искусства, которое имѣетъ цѣлю „возбужденіе любопытства къ скабрзности“. Въ этомъ смыслѣ порнографія можетъ быть и въ литературѣ и въ области изящныхъ искусствъ. Съ точки зрѣнія такого опредѣленія мы имѣемъ основаніе причислить къ этому роду литературы цѣлый рядъ сочиненій, начиная съ древнѣйшихъ, напр. нѣкоторыхъ мѣстъ комедій Аристофана, до новѣйшихъ послателей натуралистической школы.

Въ цѣляхъ установленія и уясненія взаимной внутренней связи порнографіи съ нравственностью общества, я считаю

<sup>1)</sup> Докладъ священника о. Павла Румянского, сообщенный въ пастырскомъ собраніи г. Казани 7-го декабря 1907 г.

необходимымъ указать на нѣкоторые важнѣйшіе моменты въ исторіи развитія порнографическихъ произведеній.

Такъ, когда развращеніе нравовъ достигло во Франціи XVIII в. крайняго предѣла, мы встрѣчаемся съ формами самой откровенной порнографіи. Этотъ родъ литературы не встрѣчалъ никакого протеста со стороны общественнаго вкуса во весь періодъ времени, начиная съ появленія „Орлеанской дѣвственницы“. Вольтера до выхода въ свѣтъ произведенія Парни: „Война боговъ“ (1799 г.). Въ это время въ европейской письменности, особенно во французской, приобрѣтають извѣстность такія произведенія, въ которыхъ, даже при крайней снисходительности къ нравственной распущеннаго вкуса читателей („Ода Пріапу“ Пирона, болѣзненно порнографическія издѣлія маркиза де-Сада— „Жюстина или бѣда отъ добродѣтели“ (1791 г.), „Философія въ будуарѣ“ (1792 г.) и „Жюльета или блаженство порока“ (1798 г.). Не взирая на бдительный правительственный надзоръ, скабрзные произведенія все таки распространялись во множествѣ, принося барышъ издателямъ. Еще въ недавнее время въ Брюсселѣ существовало нѣсколько фирмъ, спеціально посвятившихъ себя перепечатованію порнографическихъ сочиненій.

Въ послѣднюю четверть прошлаго вѣка при исключительномъ господствѣ во Франціи романа натуралистической школы область половой любви часто трактовалась съ такими подробностями, которыя граничатъ безспорно съ порнографіей. Не только второстепенные романисты, какъ напр. Адольфъ Бело, Катуллъ Мендесъ, Марсель Прево, Арманъ Сильвестръ и др., но даже такіе корифеи, какъ Золя и Мопассанъ, нерѣдко злоупотребляли гибкостью французской рѣчи, позволявшей авторамъ безнаказанно переступать границы, опредѣляемыя непосредственнымъ чувствомъ изящнаго Французская критика, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, не разъ указывала на эту отрицательную сторону беллетристики, объясняя ее главнымъ образомъ постыдной зависимостью писателей отъ издательскаго стремленія эксплуатировать общественную эротоманію. Подобные же расчеты ежедневно позорятъ извѣстную часть періодической печати, которая не гнушается наполнять цѣлые газетные листы рисунками и статьями откровенно порнографическаго содержанія.

Въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія въ Парижѣ основалось, подъ предѣдательствомъ сенатора Баранже, цѣлое общество (лига общественной нравственности), въ программу дѣятельности котораго входитъ, между прочимъ, огражденіе публики отъ эксплуататоровъ безнравственныхъ вожделѣній. Противъ осуществленія идей этой лиги ведется ожесточенная борьба частію парижской прессы, не гнушающейся успѣхомъ, приобретаемымъ при помощи порнографіи.

Что касается порнографіи въ изящныхъ искусствахъ, то художники до-христіанской эпохи нерѣдко избирали сюжетами для живописи и скульптуры сцены, по нашимъ понятіямъ, непристойныя. У язычника нагота составляла не только излюбленную форму пластическаго искусства, но самый эротизмъ служилъ предметомъ культа. Греческая теологія допускала не только въ частныя жилища, но и въ храмы изображенія такихъ рискованныхъ сюжетовъ, которые даже въ исполненіи величайшихъ талантовъ не могли не возбуждать чисто животныхъ инстинктовъ въ зрителѣ. Въ Афинахъ былъ даже особенный храмъ, посвященный „Олицетворенію безстыдства“ (*Αναίδεια*), украшенный чтимыми эмблемами „пріапическихъ геніевъ“ и Афродиты. Весь Олимпъ представлялъ собою обширное поле, въ которомъ необузданная фантазія художниковъ находила неистощимое обиліе сюжетовъ для искусства, увлекаемого цѣлями порнографіи. Въ такомъ же родѣ были произведенія и у Римлянъ. Св. Климентъ Александрійскій громилъ Римлянъ своего времени за обычай украшать свои жилища порнографическими картинами. Въ развалинахъ Геркулана и Помпеи сохранилось безчисленное множество живописи самаго возмутительнаго содержанія.

Въ средніе вѣка, подъ вліяніемъ христіанства, порнографія мало по малу исчезаетъ. Но въ эпоху возрожденія, когда снова стали кланяться „воскресшимъ богамъ“, порнографическая нагота опять находитъ примѣненіе въ живописи и скульптурѣ. И съ той поры въ исторіи искусства и его фальсификаціи красной нитью проходитъ слѣдующая черта: съ паденіемъ въ обществѣ христіанскихъ идеаловъ и при наличности стремленія построить жизнь по началамъ языческой этики мы видимъ въ искусствѣ господство порнографіи, и наоборотъ...

Подобное же явленіе можно констатировать и въ исторіи русской общественности.

Въ XVIII вѣкѣ, когда въ высшихъ слояхъ русскаго общества мы наблюдаемъ откровенную распущенность нравовъ, обезьянничество передъ Франціей, появляются и пользуются извѣстностію откровенно порнографическія произведенія Баркова. Открытый фаворитизмъ при дворѣ служилъ матеріаломъ для произведеній народной словесности въ формѣ разныхъ скабрзныхъ анекдотовъ.

А что въ этомъ отношеніи представляютъ намъ факты современной дѣйствительности?

Безспорно, ни въ какой другой періодъ русской исторической жизни такъ нахально-цинично не выступала на улицу порнографія въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ.

Кому изъ насъ не приходилось въ послѣднее время наблюдать слѣдующія сцены: вотъ предъ окномъ магазина стоитъ группа школьникова; они оживленно разговариваютъ между собою, смѣются и показываютъ по направленію къ нижней части окна, а одинъ изъ ихъ возбужденно выкрикиваетъ: „куплю, непременно куплю; вотъ эту куплю“. Оказывается, что школяры заинтересованы и возбуждены помѣщенными въ окнѣ порнографическими карточками. И это на глазахъ цѣлой улицы, цѣлыхъ сотенъ взрослыхъ людей, которые не могли не видѣть, какъ эти фотографіи грязнятъ воображеніе дѣтей, и которые, въ тоже время, остаются равнодушными къ публичному проявленію эгоизма со стороны жаждущаго паживы торговца и притомъ къ проявленію въ наиболѣе гнусной формѣ!

Впрочемъ, нѣтъ они не равнодушны! Вотъ предъ другимъ окномъ другого магазина стоитъ толпа этихъ взрослыхъ, солидныхъ людей; здѣсь также слышатся одобрительныя восклицанія; сказывается, что и взрослые, солидные люди заняты разсматриваніемъ открытокъ съ нескромнымъ содержаніемъ.

Къ этому присоедините открытыя и закрытыя лѣтнія театральныя сцены со всѣми этими пѣсами, вродѣ „Радій въ постели“ или „Звуки Шопена“, съ пикантною прибавкою въ объявленіи „исключительно для взрослыхъ“... А чѣмъ является въ настоящее время такъ называемая „изящная“ литература, беллетристика, которая въ силу доступ-

ности своего изложенія имѣеть самую большую аудиторію взрослыхъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ, интеллигентовъ и полуграмотныхъ?

Извѣстный писатель, — П. Д. Боборыкинъ обращается къ одному молодому критику съ такимъ вопросомъ: „Вы представитель молодого поколѣнія, вамъ можетъ быть понятнѣе многое въ современности. Чѣмъ же вы объясните такой неожиданный наклонъ нашей художественной литературы въ область разнужданнаго слова и порнографіи“?

А другой беллетристъ спрашиваетъ: „Какъ вы думаете, какъ долго продержится на нашемъ литературномъ рынкѣ курсъ эротоманіи и порнографіи? Я воспитался въ старыхъ понятіяхъ чести и литературной этики. У меня взрослая дочери Я бы сдумѣлъ быть циничнымъ, но я не могу этого. Когда я вижу, что сейчасъ имѣеть успѣхъ, и что ласкаетъ вѣтеръ народной благосклонности, мнѣ думается, что, должно быть, я устарѣлъ, ничего не понимаю, и мнѣ надо торопиться умирать или уходить изъ литературы въ акцизъ, въ банкъ, потому что мое не нужно, а иного я самъ не хсчу“...

И каждый изъ насъ не имѣлъ ли случая слышать отъ своихъ знакомыхъ: наступило такое необыкновенное время, что приходится иногда прятать отъ своихъ дѣтей номера самаго, кажется, невиннаго семейнаго журнала. На первой и послѣдней страницахъ его напечатаны объявленія о такихъ вещахъ, что беретъ ужасъ при мысли, что они прочтутъ это. Нѣтъ никакой гарантіи того, что рассказъ въ послѣдней книжкѣ журнала или новая книга не откроютъ имъ завѣсу съ чего-то грязнаго и стыднаго, чего они могли бы не знать всю жизнь...

И дѣйствительно только слѣпой можетъ не замѣтить хулигански-азартнаго шествія порнографіи.

Отъ печатныхъ страницъ слышится все чаще и чаще запахъ іодоформа и карболки. Все чаще видишь провалившіеся носы, оголенные тѣла, непристойные жесты. Улавливаешь какое то сознательное кокетство цинизмомъ. Напримеръ, имя Кузьмина общается стать такимъ же историческимъ, какъ имя Баркова. Онъ первый на Руси воспѣваетъ Антиноя — банщика и даетъ теоретическое обоснованіе и апологезъ „греческой любви“. Каменскій сталъ знаменить

съ той поры, какъ написалъ разсказъ о женщинѣ, гуляющей нагишомъ предъ мужчинами, и о неустрашимомъ поручикѣ, предъ которымъ не могутъ устоять ни учительницы, ни попадьи, ни продавщицы изъ кондитерскихъ...

Перерываюся всѣ архивы, храняшіе запыленную залежь похотливой фантазіи, чтобы снова выпустить ее на свѣтъ Божій.

Кому изъ насъ не бросались въ глаза помѣщенные въ газетахъ нынѣшняго 1907 г. объявленія объ имѣющихъ быть изданіяхъ, обѣщающихъ дать такія порнографическія сочиненія, которыя, по выраженію объявленій, запрещены даже во Франціи. Очевидно, мы здѣсь идемъ впереди самой передовой страны!

Помимо этого, развѣ мы не видали въ газетахъ объявленій, которыя на народномъ языкѣ называются просто сводничествомъ. И что всего возмутительнѣе, большая часть такихъ объявленій помѣщается въ тѣхъ газетахъ, которыя только себѣ присвоили патентъ устроителей современнаго общества, и даже пользуются характеромъ „полуоффиціоза“.

Да, нужно сознаться, что въ большей своей части современная беллетристика порнографична. Но если-бы она была *только таковою въ буквальномъ смыслѣ*, то это было-бы только полгоря. Порнографическая литература, какъ и порнографическая фотографія, можетъ привлекать къ себѣ только любителей и изъ-за интересовъ чисто эмоціальныхъ. У такой порнографіи не учатся, а только ищутъ удовольствія любострастнаго душевнаго движенія и потому, насколько она имѣетъ дѣло съ чисто животной стороною нашей природы, она хотя и оказываетъ вредное вліяніе на человѣка, но непосредственно еще не подчиняетъ себѣ его духа; ея дѣйствіе можетъ быть постольку продолжительно, поскольку человѣкъ находится съ ней въ непосредственномъ соприкосновеніи. Къ тому же въ общемъ люди настолько еще считаются съ принципами духа, что не выносятъ наружу животныхъ движеній своей природы въ ихъ голомъ видѣ, а потому распространенность порнографическихъ издѣлій всякихъ видовъ не мѣшаетъ людямъ скрывать свои низменныя влеченія. Но современная литература не есть порнографія въ чистомъ ея видѣ; это не просто анатомическая или фізіологическая фотографія съ чисто эмоціаль-

ными расчетами. Здѣсь идеологія чувственности, система, философія, тутъ вообще принципиальныя указанія въ духѣ чистѣйшаго язычества. Здѣсь не только фотографія чувственныхъ моментовъ, а выявленіе духа въ фізіологическихъ отношеніяхъ, это катихизисъ по важнѣйшимъ жизненнымъ вопросамъ, которые разрѣшаются на соответствующей предпосылкѣ—именно *проблемъ пола*—объ отношеніи мужчины и женщины другъ къ другу въ отрицательномъ христіанствѣ духѣ.

По ученію христіанства—личность, все равно—мужская или женская, имѣетъ безконечную цѣнность. Высшая цѣль брака—нравственная, въ области духа. Отношенія между мужчиной и женщиной должны быть таковы, чтобы интересы одной стороны не приносились въ жертву другой, чтобы одна личность не дѣлала ступеньки къ своему счастью изъ другой. Во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ для человѣка долженъ быть святынею. Отсюда, разъ установленъ союзъ между мужчиной и женщиной, онъ долженъ оставаться въ силѣ во все время ихъ земного существованія. Отношенія половъ глубоко мистичны и потому какъ мужчина, такъ и женщина обязываются прилагать все усилія къ тому, что бы не допускать въ свои взаимоотношенія вторженія разъединяющихъ влеченій какъ плоти, такъ и невоспитаннаго духа. Такъ обосновывается въ христіанствѣ идея долга въ отношеніи половъ. Долгъ въ данномъ случаѣ является уздою какъ для тѣла, такъ—еще болѣе—для духа, одна изъ характерныхъ особенностей котораго—вѣчно неудовлетворенная жажда новаго. Совсѣмъ иначе отношенія половъ представляются въ современной беллетристикѣ. Она проповѣдуетъ полную свободу плоти отъ всякихъ стѣсняющихъ ее нравственныхъ нормъ и смотритъ на эти нормы какъ на помѣху къ устроенію счастья въ человѣческомъ обществѣ. Свои идеи современная беллетристика выражаетъ такъ выпукло, даетъ имъ такія рельефныя очертанія и такъ образно развиваетъ ихъ, что читатель съ неустановившейся еще психикой самъ переживаетъ психофізіологическія движенія описываемыхъ въ ней дѣйствующихъ лицъ и фактически ассимилируется съ послѣдними, прежде чѣмъ продумаетъ ихъ стремленія и взгляды, и оцѣнитъ ихъ съ морально-разсудочной точки зрѣнія.

Для образца укажемъ на два произведенія—одно изъ

области драмы, другое—романъ. 1-е—это „Пробужденіе весны“—дѣтская трагедія—Франка Ведекинда, явившееся у насъ въ Россіи сразу въ двухъ переводахъ и заинтересовавшее русское общество. Въ прологѣ къ одной изъ пьесъ Ведекиндъ гордо заявляетъ: „Что видите вы въ комедіяхъ и трагедіяхъ? Домашнихъ животныхъ, благодѣтельныхъ и добродушно пробавляющихся бѣдной растительной пищей... У меня же вы увидите настоящаго звѣря, дикаго и прекраснаго звѣря“. Этотъ лейтмотивъ его произведеній звучитъ ярко и настойчиво и въ дѣтской трагедіи—„Пробужденіе весны“. Половой вопросъ, трактуемый въ порнографическомъ стилѣ, и прилегающій къ нему вопросъ школьный, въ данномъ произведеніи являются оболочкой, иллюстраціей, формой, въ которую Ведекиндъ облекаетъ основную идею трагедіи—„Пробужденіе весны“; это гимнъ торжествующей силѣ жизни, *земной жизни* съ ея страстями и бурными стремленіями, гимнъ человѣку, попирающему яко-бы созданныя людьми условности... Человѣкъ—сынъ земли, и ничто земное не можетъ быть ему несвойственно: законы природы—законы человѣческой жизни. Въ душѣ человѣка живутъ и должны жить только земныя инстинкты, они имъ управляютъ, онъ имъ безсознательно подчиняется... Побѣдный духъ земли (заключительная сцена „закутанный человѣкъ“) цинично разбиваетъ всѣ рѣчи о долгѣ, морали, о томъ, что жизнь должна быть прекрасна; онъ доказываетъ, что жизнь грубо реальна. и въ этомъ ея сила... Эти герои точно стоятъ по ту сторону добра и зла.. Они орудіе стихійной силы жизни, величавую мощь которой Ведекиндъ воспѣваетъ.

А вотъ другое самоновѣйшее произведеніе, романъ Арцыбашева „Санинъ“. Авторъ слишкомъ усердно занимается въ романѣ изображеніемъ по преимуществу юныхъ героевъ и героинь въ ихъ половыхъ стремленіяхъ. Какъ кажется, онъ эти стремленія считаетъ единственно интересными, существенными и господствующими въ жизни, а все остальное, что признается ея содержаніемъ, для него, такъ сказать, только прикладная часть нашего земного бытія. Г. Арцыбашевъ, повидимому, предполагаетъ, что колесница человѣческаго существованія только и катится на одномъ этомъ главномъ колесѣ...

Еще Гете сказалъ: „Лишь возвышенное чувство, чувство

чести и добра, отличаетъ человѣка отъ другихъ земныхъ существъ“. Но, по мнѣнію современныхъ писателей съ порнографической окраской, такого возвышеннаго чувства, отличающаго человѣка отъ животнаго, не только не должно быть, но именно отъ ложнаго признанія въ себѣ такого чувства люди страдаютъ въ жизни. Настоящіе новые герои отъ этого чувства, какъ мѣшающаго наслажденію земнымъ существованіемъ, должны себя уволить, и тогда они будутъ не только жить героями, но даже будутъ чуть-ли не «какъ боги». И вотъ г. Арцыбашевъ силится выразить такую «идею» въ образѣ и порнографическихъ рѣчахъ и дѣлахъ своего «героя нашего времени» Санина. Главный герой романа Юрій—это, по выраженію одного критика, типъ Смердякова, къ которому въ лакеи поступилъ Заратустра. «Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ, что можетъ быть ярче, что можетъ быть краше звѣринаго счастья двухъ юныхъ сердець»,—вотъ его девизъ.

«Человѣкъ—это гармоническое сочетаніе тѣла и духа, пока оно не нарушено, говоритъ онъ одной дѣвицѣ, катаясь съ нею въ лодкѣ. Естественно нарушаетъ его только приближеніе смерти, но мы и сами разрушаемъ уродливымъ міросозерцаніемъ... Мы заклеили желанія тѣла названіемъ животности, стали стыдиться ихъ, облекли въ унижительную форму и создали одностороннее существованіе. Тѣ изъ насъ, которые слабы по существу, не замѣчаютъ этого и влачатъ жизнь въ цѣпяхъ, но тѣ, которые слабы только вслѣдствіе связавшаго ихъ ложнаго взгляда на жизнь и самихъ себя, тѣ мученики: змятая сила рвется вонъ, тѣло проситъ радости и мучаетъ ихъ самихъ. Всю жизнь они бродятъ среди раздвоеній, хватаются за каждую соломинку въ сферѣ нравственныхъ идеаловъ... Любовь налагаетъ обязанности, тяжелыя для человѣка только благодаря ревности, а ревность порождена рабствомъ. Всякое рабство рождаетъ зло. Люди должны наслаждаться любовію безъ страха и запрета, безъ ограниченія. А тогда и самыя формы любви расширятся въ безконечную цѣпь случайностей, неожиданностей и сдѣленій»... Результатъ проповѣди въ романѣ сказался тутъ же.

Въ другомъ мѣстѣ герой говоритъ: «Запрятали тѣло въ полотняные мѣшки, опошили его альковомъ, сдѣлали предметомъ запретнаго любопытства... Я презираю вашъ узакон-

ненный развратъ!» и т. д. Словомъ, новый Смердяковъ отлично приспособился къ Заратустрѣ, и его къ себѣ приспособилъ и пишутъ «анархическіе» въ области плоти романы.

На стр. 124-й IX кн. «Совр. міра» героиня дѣвица Карсавина послѣ паденія начинаетъ понимать, что ея тѣло «сильнѣе и требовательнѣе разума, любви и самого сознанія». Авторъ мотодически доказываетъ и объясняетъ, что тѣло героини требовало того то, а разумъ другого, и тѣло было право, а разумъ лгалъ. Отсюда выводъ: если тѣло твое говоритъ правду, а мысли лгутъ, то, естественно, слушайся тѣла, а мыслями пренебреги. За послушаніе тѣлу — «мучительное наслажденіе» и «таинственно влекущій міръ» и «что то необыкновенное, безумно-захватывающее, какъ никогда», а послушалась Карсавина разума—и вотъ явилась «тоска», «отчаяніе» и «мучительный стыдъ».

Какъ видите, здѣсь открытая проповѣдь эмансипаціи тѣла отъ контроля разума, апоѳеозъ плоти. Само собою разумѣется, что результаты подобной проповѣди могутъ быть только самые плачевные даже съ чисто біологической точки зрѣнія. Если половое чувство освободить отъ моральныхъ регуляторовъ, оно, неизбѣжно, разлагаетъ личность самого его носителя, децентрализуетъ его и заставляетъ въ своей дѣятельности подчиняться прихотливымъ желаніямъ животной природы. Духовность человѣка при такомъ усилии понижается до minimum'a. Онъ, такъ сказать, цѣликомъ уходитъ въ матеріальное чувство, и такъ какъ оно, по мѣрѣ своего удовлетворенія, ширится и становится болѣе и болѣе капризнымъ, то въ связи съ этимъ и вся его психика выходитъ изъ состоянія равновѣсія. Но современная беллетристика, проповѣдующая апоѳеозъ плоти, угрожая благосостоянію индивидуума, угрожаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обществу, доказательствомъ чего являются (см. № 32 „Русскій Врачъ“) цифры, устанавливающія, что принципы натурализма достаточно усвоены современнымъ юношествомъ. Припомните организованныя общества: „Лови моментъ“, „Огарки“. Еще на дняхъ, какъ сообщали газеты, Московскій Градоначальникъ, узнавъ, что къ одной акушеркѣ явилась 14-лѣтняя гимназистка IV москов. гимназіи, произвелъ слѣдствіе, по которому оказалось, что она членъ общества „Лови моментъ“, гдѣ она на собраніяхъ и забеременѣла.

Спрашивается, что же дѣлать съ тѣмъ великимъ развращающимъ соблазномъ, какой создается современной порнографической беллетристикой? Что дать въ качествѣ противоядія тѣмъ, кто пьетъ ея отраву и кого она развращаетъ и явно губить?

(Окончаніе слѣдуетъ).

Нѣсколько словъ по поводу ст. „Освященіе иконостаса въ с. Старой-Аврамовкѣ, Хорольскаго уѣзда“.

Въ 4 номерѣ „Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, за настоящій 1908 годъ, помѣщена вышеозначенная статья. Въ ней авторъ, съ свойственною ему живостью мысли, описываетъ впечатлѣнія при освѣщеніи иконостаса и съ большимъ восторгомъ и похвалой отзывается о настоятельѣ Старо-Аврамовской церкви, извѣстномъ въ округѣ о. Н. Т. (Николаѣ Торскомъ), много потрудившемся для своего прихода.

Одно мѣсто этой статьи обратило на себя особенное наше вниманіе. Зная, что изъ столкновенія мнѣній рождается истина, мы рѣшаемся высказать свой изглядъ, свое мнѣніе о немъ. Мѣсто это слѣдующее: „Много трудовъ и хлопотъ выпало на долю о. Н. въ Аврамовкѣ. На постройку церкви соглашалась только половина Аврамовки, другая же половина (такъ называемые Бутовцы) приступила къ подготовительнымъ работамъ по постройкѣ другой церкви, которую они предполагали воздвигнуть у себя, на площади. Бутовчане категорически отказались отъ помощи односельчанамъ, желающимъ построить храмъ не вдалекѣ отъ стараго погоста. Только благодаря неустаннымъ трудамъ и энергіи о. Н. церковь была закончена безъ всякаго участія цѣлой половины села“.

Авторъ, благодаря, можетъ быть, отсутствію безпристрастію или чему-либо другому, хвалить и видитъ одно только доброе и въ томъ, что о. Н. удалось закончить постройкой церковь безъ всякаго участія цѣлой половины села.

По нашему же мнѣнію, съ принципиальной, христіанской точки зрѣнія, такое безучастное отношеніе цѣлой половины села къ постройкѣ приходской церкви—дома Божьяго не-

нормальное явленіе въ религіозно-нравственной жизни прихожанъ с. Старой-Аврамовки во главѣ съ ихъ о. настоятелемъ. Для насъ непонятно, какъ это о. Н. съ своею „всегда убѣдительною рѣчью, съ своими умными, свѣтлыми глазами, такъ и проникающими въ вашу душу“, допустилъ между своими прихожанами раздѣленіе столь противное духу христіанства.

Господь Нашъ Иисусъ Христосъ завѣщалъ намъ не вражду и распри, но миръ и любовь. Онъ сказалъ вѣрующимъ въ Него: *О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35). Святыи Апостоль Павелъ сказалъ: *Благотворенія и общенія не забывайте: таковыми бо жертвами благоугодяется Богъ* (Евр. 13, 16). *Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. 6, 2). *Держитесь любви* (1 Кор. 14, 1). *Нѣсть бо нестроенія Богъ, но мира* (1 Кор. 14, 33).

Пастырь—центръ, около котораго должны группироваться всѣ его прихожане въ своемъ стремленіи ко спасенію, а приходскій храмъ служить мѣстомъ сближенія прихожанъ между собою.

Пастырь—исправитель заблуждающихся на пути религіозно-нравственной жизни. Въ Священномъ Писаніи говорится такъ: *Понеже устнѣ іеревовъ сохраняютъ разумъ, и закона възвѣщуютъ отъ устъ его: Яко Ангелъ Господа Вседержителя есть* (Малах. 2, 7). *Вы есте соль земли. Вы есте свѣтъ міра* (Матѣ. 5, 13—14).

Вліятельному, опытному, практичному, по словамъ автора, о. Н.—пастырю, готовому душу свою положить за церковь Христову, слѣдовало, имѣя въ виду, что любовь сближаетъ расходящееся въ человѣчествѣ, примирить, объединить своихъ прихожанъ (въ единеніи—большая моральная и матеріальная сила), слѣдовало устранить безпорядочное движеніе помысловъ, желаній, страстей у половины своихъ прихожанъ, категорически отказавшихся принести на постройку приходской церкви свою жертву отъ чистаго сердца, по любви къ Сердцевѣдцу Богу и къ Его святому храму.

*Святъ храмъ Твой, Господи* (Псал. 64, 6). *Дому Твоему подобаетъ святыня* (Псал. 14, 6). *Вниду въ домъ Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, въ страхъ*

*Гвоємь* (Псал. 5, 8). Поэтому всякій христіанинъ долженъ идти въ храмъ Божій съ миромъ (добрымъ согласіемъ съ ближними), съ чистою совѣстью, съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ, съ добрыми мыслями и чувствами. Едвали такъ настроены обѣ половины села Старой-Аврамовки. Скорѣе можно предполагать у нихъ гордость, зависть, вражду, если неявныя и острыя, то скрытныя.

Вотъ нашъ взглядъ, наше мнѣніе о постройкѣ церкви—этого дома Божьяго—въ с. Старой-Аврамовкѣ, Хорольскаго уѣзда, безъ всякаго участія Бутовчанъ—цѣлой половины села.

### Русскія братства въ Америкѣ.

Всѣмъ извѣстна та роль, которую сыграли наши братства въ дѣлѣ защиты православія и національности съ одной стороны, а съ другой—въ дѣлѣ насажденія просвѣщенія въ Юго-Западной Руси, когда усиливающееся польское вліяніе стремилось ассимилировать русское населеніе, а вооруженное просвѣщеніемъ католичество, проведя православную вѣру черезъ унию, стремилось провести ее къ подножію папскаго престола. Борьба православныхъ братствъ съ польско-католическимъ вліяніемъ увѣнчалась успѣхомъ, благодаря энергіи и самоотверженной дѣятельности какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ. Этотъ историческій примѣръ не забыли и наши современники. Хотя могущественная когда-то Польша, простиравшаяся от моря до моря и такъ кичившаяся своими соціальными и просвѣтительными институтами, политически пала, хотя при новомъ положеніи вещей православная вѣра получила возможность широкаго распространенія наряду къ католичествомъ, протестантствомъ и др христіанскими исповѣданіями, —однако адепты православія—въ силу-ли историческо-культурныхъ обстоятельствъ или же въ силу индивидуальныхъ особенностей—и теперь, въ двадцатомъ столѣтіи, въ нѣкоторыхъ государствахъ принуждены отстаивать всѣми доступными имъ средствами право самоопредѣленія въ смыслѣ духовномъ, культурномъ и политическомъ. Пользуясь темнотой и низкимъ уровнемъ развитія массы православнаго населенія Галиціи, на примѣръ, польскіе патріоты

всѣми мѣрами, часто напоминающими грубые и суевѣрные средніе вѣка, стараются унизить ихъ и дискредитировать въ глазахъ австрійскаго правительства. Стоя значительно выше въ культурномъ отношеніи, они борются съ православными современнымъ оружіемъ и, конечно, въ большинствѣ случаевъ выходятъ побѣдителями. Съ другой стороны русины-лемки, стоящіе вдали отъ просвѣщенія, запуганные и загнанные, не видя въ правительствѣ активной поддержки, стоя особнякомъ среди другихъ народностей Австро-Венгріи, массамаи бѣгутъ оттуда искать счастья въ странѣ свободы—Америкѣ.

Тамъ, на свободной почвѣ, гдѣ каждый можетъ безпрепятственно исповѣдывать какую угодно вѣру, православіе опять таки встрѣтило сильную оппозицію въ лицѣ могущественнаго католицизма, въ которомъ съ теченіемъ времени, кажется, еще сильнѣе укрѣпилось желаніе стать универсальной религіей съ *saedes apostolica* въ Римѣ.

Но здѣсь, въ Америкѣ, дѣло борьбы православныхъ съ католицизмомъ обстоитъ иначе. Американское правительство, тратя массу денегъ на народное просвѣщеніе, въ силу особыхъ „внутреннихъ“ соображеній, изгнало изъ *Public Schools* и *High Schools* преподаваніе Закона Божія; этимъ актомъ оно ярко подчеркнуло съ одной стороны свой религіозный индифферентизмъ а съ другой—полную религіозную терпимость и нежеланіе вмѣшиваться въ дѣло, касающееся совѣсти каждаго. Такимъ образомъ, хотя православіе и не могло въ Америкѣ въ крайнемъ случаѣ апеллировать къ чувству справедливости правительства, не могло искать въ немъ поддержки и опоры, но зато оно не могло и опасаться нежелательнаго и вреднаго давленія правительства, руководимаго часто односторонней внутренней политикой. Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ—вотъ основной принципъ американской жизни, и съ этимъ принципомъ волей—неволей пришлось считаться православнымъ эмигрантамъ, привыкшимъ за океаномъ къ другому укладу жизни, воспитаннымъ въ другихъ традиціяхъ. Сначала православіе растерялось было, пораженное новыми впечатлѣніями, отовсюду нахлынувшими на него широкой и новой волной, но потомъ оно быстро оправилось, стало на ноги и сознало себя равноправнымъ гражданиномъ въ семьѣ другихъ исповѣданій, нашедшихъ себѣ пріютъ въ Новомъ Свѣтѣ. Здѣсь—

то вотъ и вспомнился историческій примѣръ братствъ, вспомнились ихъ основные принципы, ихъ методы борьбы, и великіе защитники православія, такъ славно отстаивавшіе національно-религіозную идею въ Юго-Западной Руси отъ вліянія католичества, стали идеаломъ для новыхъ защитниковъ XIX и XX столѣтій.

Обширная Америка—Канада и Соединенные Штаты—быстро покрылись сѣтью братствъ различныхъ названій и конструкцій, но объединенныхъ одной общей идеей, одной цѣлью—служить нравственной опорой для разбросанныхъ по необозримому пространству Америки отдѣльныхъ группъ и православныхъ поселковъ. Около этихъ братствъ группировались православные, тамъ они чувствовали свое родное, видѣли своихъ единовѣрцевъ и соотечественниковъ, и въ этомъ тѣсномъ духовномъ единеніи отдыхали ихъ смятенныя души отъ тяжелыхъ условій американскаго капиталистическаго строя. Братства были бѣдны и ничѣмъ, правда, кромѣ нравственной поддержки, не могли помочь приходившимъ къ нимъ, но матеріальной помощи никто отъ нихъ и не требовалъ: въ Америкѣ условія труда таковы, что позволяютъ невзыскательному русскому простолюдину чувствовать себя состоятельнымъ человѣкомъ. Первоначально все значеніе братствъ сводилось къ тому, что они служили точкой опоры, тѣмъ желаннымъ грунтомъ, на которомъ православные эмигранты могли строить прочное зданіе своей защиты отъ узурпаторскихъ поползновеній католичества. Потомъ, когда православныя братства окрѣпли и пріобрѣли должный авторитетъ въ глазахъ населенія, ихъ значеніе увеличилось и сфера ихъ дѣятельности значительно расширилась.

Если сравнивать настоящія американскія братства съ братствами историческими не по ихъ вліянію, конечно, а по тому положенію, какое они занимаютъ въ странѣ, то изслѣдователь неизбежно долженъ притти къ заключенію, что первыя находятся въ несравненно лучшихъ условіяхъ бытовыхъ, культурныхъ и политическихъ, чѣмъ находились Южно-Русскія братства въ эпоху наибольшаго развитія польско-католическаго престижа на восточной окраинѣ Европы. Оружіе борцовъ, правда, не было уравновѣшено, силы ихъ не были въ равныхъ количественныхъ отноше-

ніяхъ, но зато культурныя условія не заинтересованной въ ихъ борьбѣ страны гарантировали слабой физически стороной возможность побѣдить хотя бы въ отдаленномъ будущемъ. А это было въ высшей степени важно для новыхъ апологетовъ: простая увѣренность въ возможность побѣдить придавала православному населенію силы для борьбы; она подкрѣпляла ихъ вѣру, поднимала ихъ въ собственныхъ глазахъ и держала духъ ихъ на должной высотѣ. Съ другой стороны, та же политика американскаго правительства, выразившаяся въ пословицѣ: „каждый за себя, а богъ за всѣхъ“ и позволившая опериться юному самосознанію православнаго населенія, вырвала изъ рукъ католической оппозиціи самый большой козырь. Если и въ прежнія времена католичество никогда не вело борьбу съ другими исповѣданіями принципиально, строго академически, а въ своихъ диспутахъ опиралось на пытку и костеръ, то и теперь, въ XX столѣтіи, оно не владѣетъ другими аргументами кромѣ тѣхъ, какія легли въ основу стараго *Monita secreta societatis Jesu*. Католичество было сильно той громадной властью, которую оно сумѣло захватить въ средне-вѣковой Европѣ, тѣмъ ужасомъ, какой оно вселяло въ каждаго человѣка. Идея христіанства была не только забыта намѣстниками Петра—она была гонима еще съ большей жестокостію, чѣмъ въ первые вѣка христіанской эры. Великихъ искателей истины, отвергавшихъ посредничества римскаго намѣстника между Небомъ и землей, постигала плачевная участь; на запросы пытливаго ума римская курія отвѣчала проклятіемъ, на новыя величайшія открытія науки—пыткой, на малѣйшее проявленіе неудовольствія по поводу инвеституры и индульгенцій—отлученіемъ и казнью. На всемъ протяженіи исторіи римско-католической церкви, порвавшей связь съ Византіей, не найдется ни одного примѣра, гдѣ бы римская курія дѣйствовала только силой убѣжденія и пастырскаго внушенія...

Вспомнимъ хотя бы *Giordano Bruno*, извѣстнаго продолжателя Коперника. Обвиненный римской куріей въ ереси, онъ потребовалъ на судѣ доказательства своей вины на основаніи разума и Св Писанія—и, вмѣсто этого, услышалъ грозный приговоръ, лишившій его сана, отлучившій его отъ церкви и предавшій его свѣтскимъ властямъ съ обычной іезуитской оговоркой: „*ut quam clementissime et*

*citra sanguinis effusionem puniretur*“, что вызвало его полный сознания своей правоты и горечи отвѣтъ: „*majori forsitan cum timore sententiam in me dicitis, quam ego accipiam*“! Конечно, о подобныхъ „аргументахъ“ и думать было нечего католичеству въ XX вѣкѣ да еще на американской почвѣ, но у него осталось не мало средствъ въ рукахъ, перешедшихъ по наслѣдству отъ мрачнаго средневѣковья, и этими-то вотъ средствами онъ началъ приводить въ исполненіе свою завѣтную мечту о панъ-католическомъ царствѣ. Было пущено въ ходъ старое, испытанное на всѣхъ поприщахъ и у всѣхъ народовъ радикальное средство благоразумной политики: *divide et impera*. И американское католичество—надо отдать ему справедливость—прикладывало всѣ силы къ тому, чтобы сѣять раздоръ между отдѣльными лицами и между цѣлыми русскими общинами какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и въ Канадѣ. Не имѣя возможности дѣйствовать лично, католическое духовенство прибѣгаетъ обыкновенно къ слѣдующему приему: оно переманиваетъ на свою сторону нѣсколькихъ лицъ изъ православной общины, которая потомъ всѣми силами стараются раздуть личную вражду членовъ одной общины, а также ссорить одно братство съ другимъ. Поводы всегда налицо, стоитъ только искусно подготовить почву, вовремя вставить слово, удачно свести личныхъ враговъ въ общественномъ мѣстѣ—и дезорганизация готова.

Первой задачей американскихъ братствъ было сплотить вокругъ себя разрозненныхъ и разбросанныхъ по обширному матеріку русскихъ, собрать ихъ во имя единой православной вѣры, во имя національнаго единства, во имя общности интересовъ. Успѣхъ, конечно, зависѣлъ отъ большей или меньшей авторитетности братства, а послѣдняя опредѣлялась наличностью мира, согласія и строенія членовъ даннаго братства. Вотъ почему польско-католической пропагандѣ особенно интересно было поддерживать всякія несогласія среди русскихъ, раздуть ссоры, заводить свары и т. п. Православное духовенство, стоящее въ главѣ братствъ, и лучшіе изъ членовъ понимали политику враждебнаго Рима и всѣми мѣрами старались противодѣйствовать ея осуществленію. Отдѣльные братства стали входить между собою въ сношенія, стали извѣщать другъ друга о текущихъ своихъ дѣлахъ; въ случаѣ крупныхъ

недоразумѣній стали прибѣгать къ помощи третейскаго суда, въ самыхъ важныхъ случаяхъ—созывать помѣстные соборы.

Такого рода дѣятельность братствъ внесла особую живость и интересъ въ повседневную будничную атмосферу рабочаго—русскаго, нашла для каждаго отдѣльнаго члена ощутительную точку соприкосновенія съ его соотечественниками. Завязавшійся обмѣнъ мыслей вызвалъ къ жизни нѣсколько органовъ, въ которыхъ провинціальныя епархіи могли печатно излагать свои нужды, разоблачать козни польско-католической пропаганды, искать совѣта, дѣлать запросы, выдвигать на очередь вопросы животрепещущей дѣйствительности. Но провинціальныя органы печати, руководимые побужденіями чисто мѣстнаго характера, а не общеправославными, часто становились на скользкую почву, нерѣдко занимались мелочами, уклонялись въ сторону отъ общерусскихъ задачъ въ Америкѣ. Винить ихъ за это нельзя, какъ нельзя винить неопытнаго юриста за неумѣлую защиту вѣранныхъ его попеченію интересовъ. Эти органы безусловно дѣлали свое дѣло, служили посильно православной идеѣ на америнской почвѣ, остаивали, какъ умѣли, свое родное отъ вторженія чуждыхъ началъ, но часто ихъ разрозненные, неспѣвшіеся голоса звучали рѣзкимъ диссонансомъ... Этимъ обстоятельствомъ умѣло пользовались польско-католическіе патріоты въ своихъ цѣляхъ. Они ставили на видъ православнымъ нестроенія въ ихъ средѣ, обвиняя во всемъ руководителей, они указывали на свой собственный примѣръ и не свою прессу, тянувшую всегда стройно и неизмѣнно одну и ту же пѣсню. И выходило такъ: у васъ плохо, вы ссоритесь другъ съ другомъ, у васъ нѣтъ руководителей—переходите къ намъ „и сія вся приложатся вамъ“. На эту искусно закинутую удочку съ плохо скрытой приманкой шли однако наиболѣе темные и некультурные элементы изъ православныхъ; это уже внесило нежелательный расколъ, дезорганизацию въ среду русскихъ, очень вредно отзывавшуюся на общемъ дѣлѣ—торжествѣ православной идеи въ Америкѣ. Сама дѣйствительность властно выдвинула назрѣвшій уже вопросъ о созданіи такого института, который былъ бы чуждъ узко партійныхъ интересовъ, стоялъ бы на стражѣ общерусскаго дѣла, являлся бы руководителемъ въ дѣлѣ внутренняго распорядка и внѣшней полемики съ сильнымъ католицизмомъ. Такимъ институтомъ и явилось „Общество русскихъ братствъ“.

Основанное въ Нью-Йоркѣ, какъ въ городѣ, являющемся крупнѣйшимъ торговымъ центральномъ Соединенныхъ Штатовъ, Общество Русскихъ братствъ скоро заняло доминирующее положеніе въ странѣ, къ голосу котораго прислушивались всѣ провинціальныя братства. Оно возникло какъ нельзя болѣе кстати: именно, въ тотъ моментъ, когда борьба съ польско-католическимъ вліяніемъ разгорѣлась, на всемъ пространствѣ отъ Великихъ Сѣверныхъ озеръ вверхъ и внизъ,—тамъ, гдѣ особенно часто польское населеніе приходило въ соприкосновеніе съ русскимъ. „Общество русскихъ братствъ“ хорошо понимало въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, что безъ особаго печатнаго органа оно безсильно въ борьбѣ съ католичествомъ, и вотъ появилась „Правда“, какъ выразитель мнѣнія Общества по разнымъ вопросамъ—злободневнымъ и общаго характера. „Правда“—еженедѣльная газета; по—английски она называется „The truth“, какъ значится на газетѣ. Девизомъ ея служить слѣдующее изреченіе: „молися, учися, трудися, трезвися“; „Правда“—„газета для русскаго народа въ Сполученыхъ Державахъ и Канадѣ“, какъ значится въ заголовкѣ. Издается она въ Нью-Йоркѣ, на 72-й улицѣ, въ восточной части города, въ домѣ № 430 (Pravda Pub. Co., 430. E. 72-dstr, New-York. Russian weekly paper Published every Ghursday). Выходитъ она по четвергамъ, въ Америкѣ стоитъ 150 доллара въ годъ, а въ Европу—2<sup>00</sup> долл. Отвѣтственный редакторъ Адамъ А. Филиповскій. Издается она на русинскомъ языкѣ.

Первымъ дѣломъ цювъ основаннаго Общества русскихъ братствъ было выступить въ „Правдѣ“ на защиту національно-православной идеи, личными врагами которой, по мнѣнію Общества, являлись поляки и революціонеры.

Стараясь стать на историческую почву и съ этой точки зрѣнія разсмотрѣть польскій вопросъ и указать читателямъ истинное положеніе дѣлъ, „Правда“ пишетъ: „що до поляковъ, то тѣи мають жаль до Россіи за раздѣленье ихъ краю. Но что-жъ Россія въ томъ винна? Поляки раздѣлили Польшу сами? Польша упала черезъ неурядицъ, які панували въ ней и черезъ дике поступованье съ другими народами“. Далѣе, авторъ статьи „Подъ развагу незрячимъ“ указываетъ на относительно спокойное настроеніе польскихъ массъ въ

Германіи и Австріи, объясняя это въ первомъ случаѣ желѣзными рукавицами, въ какихъ нѣмцы держатъ познанскихъ поляковъ, а въ другомъ—своеволіемъ поляковъ, всячески старающимися притѣснять темныя русскія массы въ Австріи. „Поляки хотятъ, чтобы и въ Россіи такъ, якъ и въ Галичинѣ могли дусити „Русиновъ“.

Авторъ ставитъ въ вину полякамъ не только то что они утратили вольность, но и то, что они не сумѣли воспользоваться автономіей, данной имъ Россіей при первомъ и второмъ раздѣлѣ. Указывая, далѣе, на неуживчивый, сварливый характеръ поляковъ, авторъ припоминаетъ пану Ясѣ, корреспонденту враждебной „Свободы“, на инцидентъ съ Чолгошемъ, убившемъ президента Соединенныхъ Штатовъ Макъ-Кинлея, когда единодушное негодованіе всей Америки во главѣ съ прессой побудило поляковъ послать въ Washington депутацію съ извиненіемъ и разьясненіемъ. Въ концѣ авторъ ставитъ вопросъ: „и за що поляки верогаютъ на Россію?“ и такъ отвѣчаетъ на него: „за тое, що Россія не позволяе имъ дусити Русиновъ и Литовцевъ, вотъ цѣла причина!“ Переходя изъ области теоретическихъ разсужденій на конкретную почву, газета разьясняетъ настоящій историческій моментъ, когда въ Австро-Венгріи проводится общеизбирательный законъ. Этому важному вопросу „Правда“ удѣляла много“ времени, стараясь на своихъ страницахъ освѣтить переживаемый „лемками-русинами“ историческій моментъ по возможности правильно и всесторонне, стараясь выяснитъ роль католиковъ въ этомъ вопросѣ и разоблачитъ ихъ узурпаторскія замашки (Дѣло шло въ Январѣ и Февралѣ 1906 года). Въ статьѣ „Зъ Галичины. Русины и Поляки въ виду проектируемаго закона выборчого“, напечатанной въ „Правдѣ“ 26 января 1906 года, нѣкто А. предостерегаетъ Русиновъ на счетъ коварныхъ Поляковъ, старающихся выдѣленіемъ Галиціи изъ вѣдѣнія центрального правительства и другими „незаконными способами“ устранить русское населеніе отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ.

Такимъ образомъ, въ лицѣ „Правды“ польско-католическая партія нашла себѣ достойнаго соперника, вооруженнаго силь-

ной аргументаціей и крѣпкой вѣрой въ правоту и законность своего дѣла.

Другимъ крупнымъ, такъ сказать, внѣшнимъ врагомъ Общества русскихъ братствъ являются революціонеры съ ихъ агитаціей въ народъ и войскѣ. Революціонный врагъ—врагъ новый, пользующійся другими методами борьбы, чѣмъ шовинисты поляки. Насколько легко раскрывать карты польско-католической игры въ Америкѣ и на континентѣ Европы, насколько послѣдніе часто вовсе не умѣютъ скрывать своихъ истинныхъ мотивовъ, настолько нелегко бываетъ иногда разоблачить настоящіе намѣренія революціонеровъ, прикрывающихся пользами народа и работающихъ въ его же интересахъ. „Правда“, какъ оффиціальный органъ Общества русскихъ братствъ, понимаетъ это и дѣятельно борется съ революціей въ лицѣ ея представителей въ Америкѣ, полемизируя съ ними и разъясняя своимъ читателямъ истинное положеніе дѣлъ. Михаилъ Грегоріевичъ, характеризуя дѣятельность революціонера Ардана, работающаго въ „Свободѣ“, указываетъ на то обстоятельство, что Арданъ и суціе съ нимъ революціонеры, вмѣсто пользы приносятъ народу только вредъ. „Для коюжь отже збирае Арданъ складки на революцію въ Россіи? Ото для жидовъ, поляковъ, Турковъ, Татаръ и другихъ народовъ, або якъ онъ каже: для подневольныхъ народовъ, щобы ти мордовали Русиновъ“. Свою большую статью Михаилъ Георгіевичъ заканчиваетъ такъ: „А вы, братья Русины, не вспомагайте революціонеровъ, бо то наука злого духа, памятайте на слова Спасителя: „люби ближняго якъ себе самого“.

Вотъ два основныхъ пункта полемики Общества Русскихъ братствъ. Конечно, этимъ однимъ не исчерпывается дѣятельность Общества и его органа „Правды“. Въ такой странѣ, какъ Америка, гдѣ свобода даетъ широкій просторъ громко выражаемому общественному мнѣнію съ одной стороны, а съ другой—не препятствуетъ развиваться капитализму до *plus ultra*,—въ такой странѣ органъ объединенныхъ братствъ имѣетъ не мало работы по вопросамъ второстепеннаго значенія. Жизнь русскихъ общинъ въ Соединенныхъ Штатахъ

и Канадѣ волей-неволей вливается въ широкое русло общеамериканской жизни, а послѣдняя, „волнуясь какъ море-океанъ“, каждый день даетъ много новаго и разнообразнаго матеріала изслѣдователю.

Оторванные отъ родной почвы, еще не окрѣпшіе въ Америкѣ, русскіе не могли сюда принести съ собой тѣхъ прочныхъ культурныхъ формъ, въ которыя они перелили бы новое содержаніе американской жизни, переработали бы его въ плоть и кровь, какъ то сдѣлали, напримѣръ, нѣмцы и чехи — народы, имѣющія за собой многовѣковую культуру. Поэтому, задача общества русскихъ братствъ и его органа усложнилась по мѣрѣ того, какъ русскіе начали мало-помалу подавать и свой голосъ въ общественномъ мнѣніи страны. Это случилось само собой, совершенно незамѣтно, но это стало однако фактомъ американско-русской жизни, съ которымъ такъ или иначе нужно было считаться.

Прежде всего Обществу русскихъ братствъ нужно было стать дѣйствительнымъ выразителемъ и представителемъ всѣхъ или по крайней мѣрѣ большинства русскихъ помѣстныхъ братствъ, надо было стать нервомъ, пульсомъ русской жизни въ Америкѣ. Единственнымъ средствомъ для этого была широкая пропганда православно-національной идеи среди русскаго населенія съ призывомъ къ объединенію во имя торжества этой идеи. Жизнь Сѣверо-Американскихъ Штатовъ сама, казалось, шла на помощь Обществу русскихъ братствъ въ его объединительныхъ стремленіяхъ: въ лицѣ своихъ безчисленныхъ unions и trade—unions она давала яркую иллюстрацію, живой примѣръ того, что значить дружно сплоченная община, объединенная единствомъ интересовъ, — этимъ примѣромъ оставалось только воспользоваться Обществу Русскихъ братствъ. Въ своемъ органѣ Общество указывало православнымъ на этотъ предметъ современной туземной жизни и на немъ именно основывало свой призывъ къ сплоченію вокругъ обще-русскаго знамени, которое Общество высоко держало въ своихъ рукахъ. Польско-католическая пропганда успѣла пустить корень въ средѣ темной русской массы, бывшей долгое время безъ надлежащаго руко-

водительства. Это выразилось въ томъ, что нѣкоторые русины начали вступать въ чужія общества и организаціи и тѣмъ измѣнять обще-русскому дѣлу въ Америкѣ. Это явленіе не было случайнымъ, но оно на первыхъ же порахъ было замѣчено братствами и вызвало цѣлую обличительно-увѣщательную литературу. Въ Пенсильваніи, гдѣ въ угольномъ районѣ работаютъ совмѣстно и католики и православные, эти измѣны имѣли мѣсто чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, а потому оттуда и раздался первый обличительный голосъ. Предсѣдатель братства Св. Іоанна Крестителя въ Нью-Кенсингтонѣ Па, Іоаннъ Филь, констатируя фактъ измѣны нѣкоторыхъ русиновъ обще-русскому дѣлу въ Нью-Кенсингтонѣ, говоритъ въ „Правдѣ“, что они тѣмъ самымъ „роблятъ встыдѣ Русиnamъ, бо потомъ зъ насъ смѣются другиі, що Русины встыдаются своего“. Обращаясь къ совѣсти измѣнившихъ своимъ завѣтамъ, Іоаннъ Филь указываетъ имъ на пятую заповѣдь Закона Божія, гдѣ, по его разъясненію въ приложеніи къ данному случаю „отецъ и мати наша суть не только наши родичи, но тоже тая земля гдѣ мы родились и выховались Русь свята, русска бесѣда, вѣра, письмо—словомъ все що русске“. На этомъ основаніи онъ призываетъ всѣхъ русиновъ вступать въ число членовъ помѣстныхъ братствъ, а также и „до нашей русской работничой организаціи—Общества русскихъ братствъ“.

Въ „Правдѣ“ же бывааютъ и архипастырскія разъясненія по многообразнымъ случаямъ американской жизни, которая болѣе чревата всякими неожиданностями и эксцессами, чѣмъ установившаяся вѣками русская жизнь. Здѣсь, напри-мѣръ часто появляются самозванные духовныя лица, которыя пользуются невѣжествомъ массы безнаказанностью и отдаленностью отъ Россіи. Это зло довольно большое и съ нимъ болѣе или менѣе успѣшно борется Общество русскихъ братствъ,—борется, конечно, доступными ему средствами—словомъ и авторитетомъ представителя духовной власти въ Америкѣ, Алеутскаго и Сѣверо-Американскаго Архіепископа. Такія самозванные духовныя лица появляются главнымъ образомъ на далекихъ окраинахъ—въ Аляскѣ и Канадѣ, гдѣ всего труднѣе по мѣстнымъ и климатическимъ условіямъ

слѣдить за ними и во время разоблачать ихъ. Вотъ образчикъ такого архипастырскаго разоблаченія по поводу присланнаго изъ Канады запроса напечатаннаго въ № 4 „Правды“ въ январѣ 1906 года. North American Ecclesiastical Gonststory. Января 26 1906 г. 15 East 97-th Jhreet New-York. N. Y. № 6.

По порученію Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Тихона, Архіепископа Алеутскаго и Сѣверо-Американскаго, Сѣверо-Американское Духовное Правленіе имѣеть долгъ отвѣтить на „Запытанье“, умѣщенное въ Ч. 3. „Правды“ отъ имени православныхъ Русиновъ въ Венлоу, Канада, слѣдующее:

Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Тихонъ сямъ дае до вѣдомости вѣмъ православнымъ Русинамъ въ Венлоу и на околлицѣ, а разомъ и вѣмъ православнымъ христіанамъ въ Америкѣ, що Юрій Мартинюкъ есть цѣлкомъ незнаный Его Высокопреосвященству человекъ, и що Мартинюкъ никогда не былъ Архіепископомъ Тихономъ высвященный на священника и посланный до Канады“.

Членъ Правленія, кафедральный протоіерей А. Хотовицкій.

Сфера дѣятельности Общества русскихъ братствъ и его органа „Правда“, какъ я уже упоминаль выше, не ограничивается только Соединенными Штатами, но распространяется также и на Канаду. Эта огромная страна, быстро колонизирующаяся славянскими элементами, имѣеть тотъ существенный недостатокъ, что ея безлюдье и бездорожье не позволяютъ духовной власти строго контролировать дѣятельность священно и церковно-служителей, и эта важная функція часто происходитъ безъ надлежащей санкціи Архипастыря, что безусловно вредно отзывается на дѣлѣ духовно-нравственнаго преуспѣянія православнаго населенія. Такое явленіе вредно не столько само по себѣ, по своей сущности, сколько потому, что оно идетъ параллельно съ другимъ зломъ— съ усиліями польско-католической пропоганды, идущими изъ Европы. Для католичества, никогда не брезгавшаго никакими средствами для достиженіи своихъ цѣлей, важно посвятить

смуту среди эмигрантовъ православныхъ, недавно переселившихся только изъ-за океана. Расчитывая на престижъ своей власти въ католической Австро-Венгріи и на впечатлѣніе, вынесенное эмигрантами съ родины, оно лелѣетъ доступную, по его мнѣнію, мечту сдѣлать обильный уловъ рыбы въ этомъ взбаламученномъ ихъ кознями народномъ морѣ. Вѣрное завѣтамъ своего славнаго прошлаго, католичество и теперь не перестало держаться основного принципа, что цѣль оправдываетъ средства, оно и теперь прибѣгло къ подкупу и измѣнѣ, расчитывая на низменные стороны человѣческой природы. Къ сожалѣнію оно не ошиблось въ своихъ расчетахъ...

Нашлось нѣсколько лицъ изъ среды православныхъ, которые перешли на сторону католичества. Въ „Отзовѣ до канадійскихъ Русиновъ“, написанной отъ группы лицъ, говорится: „Опѣкуны наши въ старомъ краю..., знаячи добре, що нашъ народъ наибольше почитае своихъ священниковъ, выгодовали собѣ и межи духовенствомъ такихъ [приклонниковъ, которыи еще больше якъ они сами сѣють незгоду межи русскимъ народомъ. Тѣми сѣятелями невзгоды межи русскимъ народомъ, суть о.о. Василиане. Тѣхъ то выроднѣвъ русского народа послали наши самозванные опѣкуны и до Канады“. Эти о.о. Василиане, усердные помощники католическаго духовенства, принесли столько вреда еще въ Австріи, что ихъ дѣятельность долго будетъ помнить сознательная часть православнаго населенія Галиціи. Характеризуя этихъ о.о. Василианъ, эта статья говоритъ: „они першіи начали впроваждати въ нашъ пречудный обрядъ латинскую мѣшанину, они спродають польскимъ панамъ русску землю, они въ своемъ „Мисіонаре“ болотомъ обкидують честныхъ русскихъ патріотовъ“. Пріѣхавъ въ Канаду съ опредѣленной миссіей, о.о. Василиане быстро овладѣли довѣріемъ темной массы и начали совѣтовать прихожанамъ строить небольшіе монастыри, куда могли бы пріѣхать изъ Галиціи *mateczki*, назначеніе которыхъ—обучать грамотѣ дѣтей православнаго населенія; но онѣ, какъ говорится въ той же статьѣ, стали бы учить православныхъ дѣтей *bodzinki odmawiac*, т. е. говоря другими словами, эти благочестивыя

монахини стали бы обучать дѣтей католическимъ молитвамъ. Населеніе встрѣтило этихъ о.о. Василианъ съ распростертыми объятіями, видя въ нихъ своихъ священниковъ. Но сознательная часть православныхъ во главѣ съ „Правдой“ и другими органами объявила походъ противъ нихъ, слѣдствіе котораго было просвѣтленіе многихъ православныхъ общинъ въ Канадѣ, выразившееся въ недовѣріи къ анти-православной пропояндѣ этихъ ставленниковъ католичества. Конечно, о.о. Василиане были крайне недовольны такимъ эксцессомъ „разумнѣйшихъ людей“, они посылали цѣлый градъ проклятій на ихъ головы, призывали на нихъ весь адъ съ его темными силами, но уже разумное сѣмя сомнѣнія было брошено, попало на плодородную ниву и скоро дало свои ростки.

Дальнѣйшая дѣятельность Общества Русскихъ Братствъ и его органа „Правды“ въ этомъ направленіи выразилась въ неоднократномъ призваніи отдѣльныхъ Канадскихъ общинъ сплотиться, войти въ сношенія другъ съ другомъ и требовать отъ истинно-православнаго галиційскаго духовенства присылки „свѣтскихъ священниковъ“. Газета много разъ ссылаясь въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ на примѣры Галиціи, Аргентины и Бразиліи, гдѣ о.о. Василиане и изгнанные отовсюду іезуиты сѣли на шею довѣрчивой паствѣ. „Намъ—пишетъ „Правда“—треба конечно усунути тѣ гнилыи колоды, которыи лежатъ на дорожѣ поступу, а постаратися о людей, которы бы взялись эмергично до истинного Просвѣщенія Русиновъ въ Канадѣ“.

Всѣ эти нестроенія русскихъ эмигрантовъ въ Сѣверной Америкѣ—фактъ, конечно, очень печальный, съ которымъ постоянно приходится считаться православнымъ братствамъ. Общество русскихъ братствъ по мѣрѣ возможности борется съ этимъ нестроеніемъ, приходитъ на помощь помѣстнымъ братствамъ совѣтомъ и моральной поддержкой, разоблачаетъ козни польско-католической партіи. Въ 1906 году къ Обществу Русскихъ братствъ принадлежали 94 провиціальныя братства разныхъ штатовъ, преимущественно изъ Нью-Йорскаго, Пенсильваніи, Иллиноиса и Нью-Джерсей. Мѣсячная плата въ Обществѣ 60 центовъ, причемъ эта плата да-

еть право на газету и на посмертную премію въ размѣрѣ 600 долларовъ. Допускается также посмертное страхованіе дѣтей съ платою 25 центовъ мѣсячно.

Можно надѣяться, что съ теченіемъ времени всѣ русскіе въ Америкѣ сплотятся вокругъ братствъ во главѣ съ Обществомъ Русскихъ братствъ, сплотятся во имя обще-русской православной идеи, во имя общности интересовъ и духовныхъ и матеріальныхъ. Это можетъ наступить тогда, когда сознаніе освѣтитъ темныя еще массы русскаго населенія и поможетъ имъ разобратся въ окружающихъ ихъ явленіяхъ американской дѣйствительности. Тогда католичество лишится послѣдней своей опоры, ему придется или навсегда отказаться отъ узурпаторскихъ притязаній, или же бороться открыто, равнымъ оружіемъ, на широкомъ поприщѣ идей и доказательствъ, основанныхъ на Св. Писаніи и Св. Преданіи, на практикѣ Св. Отцовъ и Учителей церкви, а не на силѣ и коварствѣ. Послѣднее же не страшно православію, такъ какъ и историческая, и идейная правда на его сторонѣ.

Какъ видно изъ этого бѣлаго обзора, дѣятельность американскихъ братствъ значительно разнится отъ дѣятельности нашихъ православныхъ епархіальныхъ братствъ. Въ то время какъ послѣдніе ограничены въ своей дѣятельности известной сферой, за предѣлами которой они не имѣютъ ни правъ, ни компетенціи,—американскія братства не ограничиваются какой нибудь одной сферой, но въ силу обстоятельствъ должны по необходимости бороться одновременно на нѣсколько фронтовъ и притомъ часто съ непріателемъ, лучше ихъ вооруженнымъ и болѣе искусившемся на этомъ поприщѣ. Сама жизнь заставляетъ ихъ быть компетентными въ рѣшеніи всякихъ вопросовъ—будутъ ли эти вопросы касаться чисто духовныхъ дѣлъ или же гражданскихъ; а для этого имъ постоянно нужно быть на стражѣ интересовъ русскаго населенія, нужно слѣдить и принимать участіе въ окружающей ихъ жизни. Такія потребности, созданныя исключительностью положенія въ чужой странѣ, гдѣ нельзя опираться на правительство въ дѣлахъ вѣры, сильно осложняютъ задачи братствъ—съ одной стороны, а съ другой—тѣмъ

большее значеніе и вѣсь придають имъ среди русскаго населенія въ Америкѣ, которое смотритъ на братства, какъ на единственную опору въ дѣлахъ вѣры. N, N.

## Празднованіе сороколѣтія пастырскаго служенія Благочиннаго 5-го округа Переяславскаго уѣзда священника о. Стефана Трипольскаго.

5-го февраля сего 1908 года въ небольшомъ селѣ Глубокомъ Переяславскаго уѣзда происходило небывалое тамъ по своей торжественности празднованіе сороколѣтняго юбилея пастырскаго служенія благочиннаго 5-го округа Переяславскаго уѣзда и приходскаго священника сего села о. Стефана Ивановича Трипольскаго.

Юбиляръ, будучи по происхожденію сыномъ священника села Ковалина Переяславскаго уѣзда, принадлежитъ къ старинному дворянскому роду Трипольскихъ. Родные братья его въ настоящее время проходятъ съ честью должности земскихъ начальниковъ въ Екатеринославской губерніи. Родился онъ 1842-мъ году. Воспитывался въ Полтавской Духовной Семинаріи, полный курсъ которой и окончилъ въ 1867 году. По окончаніи Семинаріи Стефанъ Ивановичъ, не смотря на то, что могъ занять благодаря своему дворянскому происхожденію, какъ и его братья, хорошее мѣсто на гражданской службѣ, не прельстился свѣтской жизнью, но, женившись на бѣдной, но благородной и вполне его достойной дѣвушкѣ, занялъ въ Февралѣ мѣсяцѣ 1868 г. скромное мѣсто сельскаго священника въ селѣ Красной Слободѣ Роменскаго уѣзда. Здѣсь, въ Красной Слободѣ о. Стефанъ Ивановичъ, неся нелегкія обязанности сельскаго пастыря, открылъ школу, въ которой самъ и занимался и проходилъ по избранію духовенства должность члена благочинническаго совѣта. На десятомъ году своего пастырскаго служенія о. Стефанъ пожелалъ перемѣститься въ свой родной Переяславскій уѣздъ, о чемъ и подалъ прошеніе. Почившій Іоаннъ, Архіепископъ Полтавскій и Переяславскій, перемѣстилъ его согласно его прошенію въ село Глубокое, гдѣ о. Стефанъ и до настоящаго времени въ теченіи тридцати лѣтъ со славою и честью проходитъ

пастырское служеніе, ознаменовавъ его какъ и на первомъ своемъ приходѣ ревностною заботливостію о народномъ просвѣщеніи: въ 1882 году онъ открылъ въ селѣ Глубокомъ земскую школу, а въ 1900-мъ году и церковно-приходскую, въ которой состоитъ не только завѣдывающимъ и законоучителемъ, но и Попечителемъ, содержа ее почти на свои средства.

Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до юбилея духовенство 5-го благочинническаго округа (какъ священники, такъ и псаломщики) подали Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Іоанну, Епископу Полтавскому и Переяславскому прошеніе, въ которомъ, указавъ на долговременную безпорочную пастырскую службу своего о. благочиннаго, его добрую христіанскую жизнь и его братское и отеческое отношеніе къ подвѣдомому ему духовенству, просили Его Преосвященство разрѣшить имъ какъ опраздновать юбилей своего благочиннаго о. Стефана Трипольскаго, такъ и поднести ему отъ духовенства округа наперсный крестъ, что нашъ Милостивѣйшій Архипастырь и разрѣшилъ; послѣдовалъ соотвѣтствующій указъ Полтавской Духовной Консисторіи отъ 7 января сего 1908 года за № 220-мъ на имя Духовника сего округа священника о. Θεодора Красина.

Празднованіе юбилея началось наканунѣ совершеніемъ въ Глубокской Покровской церкви всенощнаго бдѣнія, которое совершалъ самъ юбиляръ въ сослуженіи двухъ священниковъ—своихъ ближайшихъ родственниковъ. Въ самый же день юбилея 5-го февраля въ той же церкви тѣми же тремя священниками въ сослуженіи діакона была совершена литургія при большомъ стеченіи народа, который едва помѣщался въ церкви, такъ какъ прихожане, узнавъ о сорокалѣтнемъ юбилѣе своего любимаго батюшки, рѣшили почти всѣ отъ мала до велика помолиться въ этотъ день о его здравіи. На литургіи присутствовали всѣ учащіе и учащіяся Глубокскихъ школъ какъ церковной, такъ и земской (послѣдніе съ разрѣшенія г. Инспектора народныхъ училищъ). Къ концу литургіи въ церковь прибыло множество священниковъ какъ изъ 5-го округа Переяславскаго уѣзда, (которые прибыли почти всѣ), такъ и изъ другихъ округовъ. По окончаніи литургіи, когда всѣ прибывшіе священники, облачившись, вышли на среднѣ храма, юбиляръ, обратившись какъ къ священникамъ, такъ и къ на-

роду, благодариль ихъ за то, что они не смотря на дальность разстоянія и не особенно благоприятную погоду, прибыли въ его приходской храмъ, чтобы помолиться вмѣстѣ съ нимъ въ день исполнившагося по милости Божіей сорокалѣтія его служенія святой церкви. Послѣ рѣчи юбиляра Духовникъ благочинія священникъ о. Ѳеодоръ Красинъ, ставши на солеѣ, прочиталъ указъ Консисторіи о милостивѣйшемъ разрѣшеніи Его Преосвященствомъ празднованія юбилея съ поднесеніемъ напернаго креста. По прочтеніи указа отъ лица духовенства округа обратился къ юбиляру пишущій сіи. строки священникъ Іоаннъ Богацкій и произнесъ рѣчь.

По окончаніи священникомъ Богацкимъ рѣчи старѣйшій священникъ округа, товарищъ юбиляра какъ по Семинаріи такъ и по службѣ, о. Іоаннъ Романицкій поднесъ на блюдѣ наперный крестъ, сказавъ отъ себя нѣсколько теплыхъ сердечныхъ словъ. Принявъ святой крестъ, юбиляръ, облобызавъ его, надѣлъ на себя и сердечно поблагодарилъ духовенство за ихъ братскій подарокъ. Прихожане села Глубокаго также рѣшили чествовать своего батюшку— юбиляра поднесеніемъ ему камилавки, которая сейчасъ за поднесеніемъ отъ духовенства креста и была поднесена юбиляру на блюдѣ сельскимъ старостою села Глубокаго Косинскимъ, при чемъ одинъ изъ прихожанъ Яковъ Емельяновичъ Кубракъ сказалъ юбиляру отъ лица прихожанъ теплую душевную рѣчь. Отъ причта, церковнаго старосты и церковниковъ Покровской церкви села Глубокаго была поднесена своему настоятелю юбиляру священническая палка съ серебрянымъ набалдашникомъ и съ надписью на немъ, при чемъ псаломщикъ сей церкви Терентій Щербакъ сказалъ соотвѣтствующую рѣчь. Отъ учащихся въ Глубокской смѣшанной церковно-приходской школѣ подъ руководствомъ учительницы А. Оменсты юбиляру было поднесено ученицей полотенце, а ученикъ произнесъ краткую рѣчь. Было также привѣтствіе юбиляру и отъ учениковъ Глубокской земской школы подъ руководствомъ учителя К. Подуражного, которое произнесъ одинъ изъ учениковъ сей школы. Затѣмъ одинъ изъ прихожанъ юбиляра отставной солдатъ Гвардейскаго Его Императорскаго Величества полка Терентій Сивецъ поднесъ юбиляру отъ себя драгоценную солонку, а одна изъ прихожанокъ Ксенія Евдокимовна Го-

рянинова поднесла юбиляру драгоценный, усыпанный бисеромъ поясъ. Послѣ сихъ поднесеній священникомъ о. Владиміромъ Тарасевичемъ былъ прочитанъ адресъ юбиляру отъ причта и церковнаго старосты Онуфріевской церкви села Ивановки Переяславскаго уѣзда, въ которомъ сказано, что юбиляръ, будучи благочиннымъ, истинный отецъ для подвѣдомаго ему духовенства, защищающій невинныхъ, укрѣпляющій и поддерживающій малодушныхъ. По прочтеніи сего адреса, вложеннаго въ изящную драгоценную папку, о. Владиміръ Тарасевичъ вручилъ его юбиляру. Юбиляръ, разстроганный до слезъ, сердечно благодарилъ привѣтствовавшихъ его и подносявшихъ ему подарки и братски цѣловался съ ними, въ заключеніе же просилъ всѣхъ находящихся въ храмѣ помолиться Господу Богу о его здравіи въ предстоящемъ молебніи. Предъ началомъ сего молебна священникъ о. Ѳеодоръ Житецкій произнесъ сильную воодушевленную рѣчь, въ которой охарактеризовалъ юбиляра какъ энергичнаго пастыря, много положившаго трудовъ въ заботахъ о благолѣтіи своего приходскаго храма и опытнаго благочиннаго—защитника духовенства. По окончаніи рѣчи о. Ѳеодора Житецкаго сонмомъ священниковъ подъ председательствомъ юбиляра былъ совершенъ въ храмѣ торжественный молебенъ съ многолѣтіемъ Государю Императору, Святѣйшему Синоду, Преосвященному Іоанну, Епископу Полтавскому и Переяславскому со всею Его Богомъ хранимой паствою и юбиляру, сославою и честью прослужившему Церкви Божіей сорокъ лѣтъ. Послѣ сихъ многолѣтій юбиляръ провозгласилъ вѣчную память Архипастырямъ Полтавскимъ: Архіепископу Іоанну и Епископу Іларіону, при которыхъ онъ проходилъ свое пастырское служеніе и затѣмъ провозгласилъ еще разъ многолѣтіе нынѣ благополучно святительствовавшему Епископу Іоанну, духовенству 5-го благочинническаго округа, своимъ прихожанамъ и всѣмъ присутствующимъ въ храмѣ. По окончаніи сего молебна тѣмъ же сонмомъ священнослужителей былъ совершенъ крестный ходъ изъ церкви въ усадьбу юбиляра, гдѣ возлѣ колодца духовенствомъ былъ совершенъ чинъ освященія воды, по совершеніи каковаго чина юбиляръ попросилъ всѣхъ священно-церковно-служителей и интеллигентныхъ людей къ себѣ въ домъ разделить вмѣстѣ съ нимъ хлѣбъ-соль. Для простого же народа, не смотря на его мно-

жество, юбиларомъ была предложена приготовленная тутъ же во дворѣ обильная трапеза.

*Священникъ Іоаннъ Богацкій.*

## Н Е К Р О Л О Г Ъ .

28 января умеръ священникъ села Мечеть, Пирятинскаго уѣзда, о. Василій Демяновскій.

Покойный родился въ селѣ Харьковцахъ, Переяславскаго уѣзда, обрезованіе получилъ въ Лубенскомъ Духовномъ училищѣ и Полтавской Духовной Семинаріи, въ которой съ уси́хомъ окончилъ курсъ въ 1898 году. Пробывши два года народнымъ учителемъ, о. Василій женился и принялъ санъ священника.

Назначенный на приходъ при Георгіевской церкви села Андрушей, Переяславскаго уѣзда, покойный часто страдалъ желудочными болями. Не обращая серьезнаго вниманія на такъ сильно распространенный въ наше время, да въ особенности въ средѣ интеллигентныхъ лицъ, недугъ, о. Василій не внялъ совѣту врача не принимать постной пищи и къ пасхѣ 1905 г. заболѣлъ воспаленіемъ отростка слѣпой кишки. Въ результатъ ему пришлось пролежать въ Кіевскихъ Клиникахъ 2 мѣс.

По благополучномъ исходѣ болѣзни, врачи настаивали на операціи: покойный не согласился. Съ тѣхъ поръ ему нужно было постоянно быть готовымъ къ внезапному повторенію болѣзни.

Въ 1906 году выходить въ отставку старикъ—отецъ его, свящ. села Савинець. По желанію отца и глубокой любви къ нему, о. Василій оставилъ благопріятный для его организма приднѣпровскій климатъ Андрушей и перевелся въ Савинцы.

Здѣсь на его и безъ того невеселую долю выпалъ жестокой жребій пережить много огорченій отъ прихожанъ, что такъ обычно въ наше время и такъ знакомо сельскому духовенству. Все же мягкій характеръ молодого батюшки вскорѣ склонилъ вѣсы въ его сторону: прихожане поняли челоуѣка и оцѣнили доступность и простыя, сердечныя отношенія къ нимъ о. Васи́лія.

Переѣхавши на приходъ въ Савинцы исключительно изъ желанія доставить пріятное отцу, по смерти его, о. Василій перевелся на приходъ въ село Мечеть. Здѣсь повторился недугъ въ сильнѣйшей степени: исходомъ была смерть.

А послѣ невѣдомый жизненный путь безъ отцовскаго попеченія для троихъ малютокъ — сиротъ.

На погребеніе съѣхались родственники. Отпѣваніе совершалъ благочинный о. Григорій Бѣлинскій соборне съ священниками: о. Чмыховскимъ, о. Заикою, о. Карповымъ, о. Николаемъ Базилевскимъ и діакономъ с. Свѣчковки.

Храмъ былъ полонъ молящимися, пришедшими помолиться и сказать послѣднее „прощай“ молодому батюшкѣ.

И невыносимо тяжело было видѣть и слышать, какъ въ судорогахъ разлуки и горя надрывались мать, жена, братья, сестры и другіе знакомые знавшіе и молившіе покойнаго Кончина его была безвременна: не много пожилъ онъ, только 30 лѣтъ. Всего нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ среди насъ, веселый и подвижной.

„Придите послѣднее цѣлованіе дадимъ умершему“... и храмъ огласился рыданіемъ прощавшихся.

А хоръ (подъ опытнымъ управленіемъ учителя Г-на Лебедева) пѣлъ трогательные и грустные стихи о той жизни, гдѣ нѣтъ „ни печали, ни воздыханія“.

Миръ праху твоему, дорогой о. Василій. В. К.

## ОБЪЯВЛЕНІЯ.

**Вниманію о.о. настоятелей и старостъ  
церквей Полтавской епархіи.**

За смертію Ефима Евстафіевича Файдыша, ликвидируется его магазинъ церковныхъ вещей въ Кременчугѣ, Полтавской губерніи, Екатерининская улица, собственный домъ.

**РАСПРОДАЖА ПРОИЗВОДИТСЯ СЪ УСТУПКОЙ.**

**Елена Файдышъ.**

Политическая, Экономическая, Общественная и Литературная газета

# С Л О В О

выходить въ С.-Петербургѣ съ 19 ноября 1906 г. въ  
изданіи и подь редакціей

**М. М. ѲЕДОРОВА.**

При участіи: К. К. Арсеньева, Гр. К. Градовскаго, Максима Ковалевскаго, В. Д. Кузьмина-Караваева, Н. Н. Львова, В. А. Маклакова, Григ. Сп. Петрова, П. Б. Струве, П. А. Тверского, кн. Евг. Н. Трубецкого и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 1 годъ 12 руб., 6 м.—6 руб.,  
3 м.—3 р., 2 м.—2 р. 15 к., 1 м.—1 р. 10 к.

ЗА ГРАНИЦУ: на годъ 20 р., 6 м. 11 р., 3 м. 6 р., 1 м. 2 р.

Для учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, волостныхъ и сельскихъ обществъ, сельскаго духовенства, учителей и учительницъ и фельдшеровъ на годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р., 3 мѣс. 2 р. 25 к., 2 мѣс. 1 р. 50 к., 1 мѣс. 80 к.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ СПБ., НЕВСКІЙ,  
д. 92, кв. 4.

## ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ СТЕФАНА ѲЕОДОРОВИЧА ЕРМАКОВСКАГО

*въ г. Черкассахъ, Кіевской губерніи.*

Принимаетъ заказы новыхъ иконостасовъ, кіотовъ, церковныхъ и домашнихъ, ремонтировку старыхъ иконостасовъ, покраску и роспись церквей живописью и фресковыми орнаментами;

на всевозможную живопись и чеканку, а также на картины масляными красками разныхъ сюжетовъ и малярныя домовыя работы.

Все вышепоименованное исполняю добросовѣстно,  
по умѣреннымъ цѣнамъ и выполняю въ срокъ.

Исполнялъ иконостасныя работы въ Полтавскомъ  
кафедральномъ соборѣ.

— За доброкачественность моихъ работъ имѣю много аттестатовъ. —

**Фирма существуетъ съ 1879 года:**

М. М. БЕДОКОВА

---

СОДЕРЖАНІЕ:—I. „Аскетизмъ со всей его суровостію отжилъ свое время,— слѣдуетъ облегчать людямъ жизнь, а не отягощать ихъ строгими заповѣдями.—II. Къ вопросу о порнографіи и о мѣрахъ борьбы съ нею.—III. Нѣсколько словъ по поводу ст. „Освященіе иконостаса въ с. Старой-Аврамовкѣ, Хорольскаго уѣзда.—IV. Русскія братства въ Америкѣ.—V. Празднованіе сорокалѣтія пастырскаго служенія благочиннаго 5-го округа Переяславскаго уѣзда священника о. Стефана Трипольскаго.—VI. Некрологъ,—VII, Объявленія.

---

Редакторы, преподаватели семинаріи | *В. Терлецькій.*  
| *В. Конопатовъ.*

Печат. съ разр. мѣстн. дух. цензуры 20 марта 1908 г.

Полтава, Типогр. Торговаго Дома И. Фришбергъ и С. Зороховичъ.







